

DOI: 10.17805/zpu.2017.3.11

Северная Индия как территория миротворчества и культурного диалога*

А. В. ИВАНОВ, С. М. ЖУРАВЛЕВА

АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье анализируется миротворческий потенциал Северной Индии — важнейшего региона Евразии, расположенного на стыке караванных путей, связывающих Индию с Ближним Востоком и Ираном, Средней Азией и Восточным Туркестаном, Тибетом и Китаем. В этом районе сохраняется уникальное культурно-языковое и этническое разнообразие, представляя фактически всю панораму народов Евразии в миниатюре.

Исходная методологическая установка авторов предполагает различие «кровавой истории», т. е. истории войн, межгосударственных конфликтов и борьбы за власть, дипломатических игр и обманов, религиозной и национальной розни, и «истории духа» (или «духовной истории»), т. е. появления и распространения созидательных идей, эпох мира и культурного творчества, когда побеждали мораль и религиозная терпимость, расцвели науки и искусства. История Северной Индии является едва ли не эталонным объектом в плане обнаружения эпох, имен и событий «духовной истории», а главный урок, который может быть из нее извлечен, — это реальный опыт миротворчества и продуктивного культурного диалога, который сохраняет свое значение и поныне. Для обоснования этого тезиса авторы обращаются к эпохе Маурьев, Кушанской империи, империи Гуптов и к периоду правления династии Великих моголов в Индии, где были заложены и во многом воплощены в жизнь важнейшие принципы индийского миротворчества: ненасилия (ахимсы), религиозного согласия, развития науки, искусства и литературы как важнейших средств осуществления продуктивного диалога между различными народами и религиозными традициями. Устанавливаются некоторые значимые параллели между традициями индийского и российского миротворчества, особенно при движении русских в Сибирь.

Делается вывод, что в нынешний год 70-летия установления дипломатических отношений между Россией и Республикой Индия обращение к идейному и практическому миротворческому наследию двух великих стран представляется особенно важным.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (РГНФ) и администрации Алтайского края (проект «Алтай и Гималаи как уникальные культурно-биосферные регионы Евразии: поиск общих ценностей, эколого-экономических стратегий, социокультурных параллелей», грант № 16-13-22002).

The Research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (Russian Foundation for the Humanities) and the Administration of the Altai region (project “The Altai and Hymalayas as unique cultural-biospheric areas of Eurasia: the search of the common values, environmental-economic strategies and socio-cultural parallels”, grant № 16-13-22002).

Ключевые слова: Индия; Север Индии; миротворчество; ненасилие; религиозное согласие; культурный диалог; духовная история

ВВЕДЕНИЕ

Север Индии — территория, где исторически зародилась и расцвела ведийская культура, приняв эстафету от Хараппской цивилизации III тыс. до н. э. К Северной Индии чаще всего относят штаты Джамму и Кашмир, Химачал-Прадеш, Уттаракханд, Уттар-Прадеш, Пенджаб, Чандигарх и Харьяну. Через эти земли пролегают главные караванные и торговые пути, связывающие Индию с Ближним Востоком и Ираном, Средней Азией и Восточным Туркестаном, Тибетом и Китаем.

Особенно важную роль в жизни не только Индии, но и всей Азии играют территории штатов Джамму и Кашмира и Химачал-Прадеша, ибо через них проходят древние дороги с крайнего юга на север (из Индии в Тибет и в Монголию), и с востока на запад Евразии (южная ветвь Великого шелкового пути). Здесь сходятся горные системы Гиндукуша, Гималаев, Каракорума и Памира; соседствуют с Индией такие государства, как Китай, Пакистан и Афганистан; совсем рядом лежат Непал и Таджикистан. С древнейших времен в этом горном «узле» вступали во взаимодействие многочисленные народы Востока и Запада, и до сих пор сохраняется уникальное культурно-языковое и этническое разнообразие, представляя фактически всю панораму народов Евразии в миниатюре. В районе Гималаев сохранились также древнейшие памятники индийской архитектуры разных эпох, которых не найти на индийской равнине. Крупнейший исследователь гималайского искусства О. С. Ханда пишет: «В то время как на Индо-Гангской равнине практически невозможно найти ни одного уцелевшего памятника классического искусства домусульманского периода, мы находим их в избытке и в различной степени сохранности в Кашмире... и в других гималайских заповедных землях... Этот регион поэтому является раем для археологов, архитекторов, историков и туристов» (Handa, 2008:16).

История Северной Индии полна и великими, и трагическими событиями, ибо здесь проходили не только торговые караваны, ремесленники и религиозные паломники, но и многочисленные армии, несущие разрушение и смерть. Возникали не только центры науки и искусства, но и очаги политических и религиозных раздоров. За эти важнейшие в стратегическом отношении земли, за контроль над их торговыми путями в течение столетий вели борьбу различные государства. И сегодня продолжается конфликт между Индией и Пакистаном в штате Джамму и Кашмир; сохраняется напряженность между Индией и Китаем в районе тибетской границы.

В данной статье применительно к региону Северной Индии мы не хотели бы останавливаться на событиях так называемой *кровавой истории*, т. е. истории войн, межгосударственных конфликтов и борьбы за власть, дипломатических игр и интриг, религиозной и национальной розни. Эти процессы, естественно, надо внимательно и объективно изучать, основываясь на реальных фактах и свидетельствах, чтобы получить максимально объективную картину прошлого и выработать взвешенные оценочные исторические суждения. Однако помимо кровавой и смутной истории человечества есть и то, что может быть названо *«историей духа»* (или *«духовной историей»*), т. е. появления и распространения объединяющих и гуманных идей, созидательных государственных деяний, эпох мира и культурного творчества, когда побеждали мораль и религиозная терпимость, расцветали науки и искусства. Эти эпохи чаще всего были краткими и связаны с творчеством немногих гениев, которые, как

одиноким свечи, горели в непроглядной мировой ночи, но зато оставляли неизгладимые светоносные следы в памяти потомков, вызывая желание творчески воспроизвести и утвердить их идеи в новом историческом контексте. Созидательные эпохи и великие личности образуют то, что может быть названо «эстафетой духа», т. е. непрерывными связующими нитями истории, которые не дают ей превращаться в хаос событий и фактов, а историкам позволяют находить в прошлом порядок и смысл. Более подробно эти тезисы обоснованы в коллективной монографии (см.: Иванов, Фотева, Шишин, 2006: 41–47).

Понятно, что грань между «кровавой» и «духовной» историей размыта и относительна. Великие подвижники и властители-созидатели типа Франциска Ассизского и Сергия Радонежского, Марка Аврелия и Юстиниана вынуждены были жить и действовать в тяжелейших социально-экономических условиях, быть свидетелями массового насилия и несправедливости. Другое дело, что подобные жизни горят алмазами среди крови и грязи прошлого. При этом следует избегать двоякого соблазна как идеализации, так и уничтожения великих имен и периодов в истории. Последнее особенно опасно, так как лишает историческую науку ее очень важного — морально-педагогического — измерения. Ясно также, что нельзя пренебречь предпосылками и предрассудками субъекта исторического познания, которые определяют как отбор исторических фактов, так и их смысловую интерпретацию. Однако *обращение к «духовной истории» того или иного народа, того или иного региона Земли при всей неизбежной дискуссионности исторических констатаций и реконструкций* позволяет увидеть вечное во временном, нетленное в отвалах исторического тлена, а значит, извлечь из истории подлинные — нравственные и идейные — уроки.

Отсюда и ключевая идея статьи, которая будет разворачиваться и обосновываться в дальнейшем: история Северной Индии является едва ли не эталонным объектом в плане обнаружения эпох, имен и событий «духовной истории», а главный урок, который может быть из нее извлечен, — это *реальный опыт миротворчества и продуктивного культурного диалога*, который сохраняет свое значение и поныне.

ОПЫТ МИРОТВОРЧЕСТВА В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Контакты между Индией и другими странами, особенно со Средней Азией, Ираном и Месопотамией, существовали с древнейших времен. Печати Хараппской цивилизации найдены в Двуречье, а иранские монеты и топоры в Мохенджо-Даро. Еще более тесные связи устанавливаются между Индией и другими странами после прихода арийских племен в западные Гималаи сначала с севера (кхашы) (Singh, 2010: 36), а потом и с запада (ведийские арии), однако эти контакты носят спорадический характер, поэтому говорить о систематическом культурном обмене здесь не приходится. Важнейшее событие в плане налаживания устойчивых связей между Индией и Западом произошло в 326 г. до н. э., когда в северо-западную Индию вторглись войска Александра Македонского. Завоевывая ахеменидский Иран, великий греческий полководец в избытке сталкивался с предательством иранских сатрапов своего владыки Дария III, а также с нежеланием покоренных персами народов, типа скифов, сражаться за интересы своих поработителей. Персидская держава развалилась и сдалась на милость Александра на удивление легко и быстро. Понятно, что гордые и свободолюбивые греки, высоко ценившие в людях прежде всего личное и гражданское мужество, не могли не испытывать кроме человеческого презрения еще и некоторого культурного пренебрежения к побежденным народам Персии.

Совсем другая и очень символическая ситуация возникла после пересечения греческими войсками главной водной артерии северо-запада Индии — Инда. Здесь, несмотря на племенную и государственную раздробленность Древней Индии, греков ждал ожесточенный отпор со стороны местного населения. «...Уже с самого начала индийского похода, — пишет Г. М. Бонгард-Левин, — Александр встретился с упорным сопротивлением многих племен. Хронисты похода, которые старались прославить подвиги и успехи Александра, не могли не отметить исключительное упорство индийцев, их смелость, страстное желание бороться до конца. Многие индийские племена вообще отказывались от переговоров с греко-македонцами и вступали в неравную схватку, нередко даже одерживали победы» (Бонгард-Левин, 2003: 192–193). Кульминацией индийского сопротивления захватчикам стала знаменитая битва при Гидаспе. Сражение длилось несколько дней и закончилось победой греков. Будучи израненным и взятым в плен, индийский царь Пор вел себя с исключительным достоинством. На вопрос Александра, как бы он хотел, чтобы с ним обращались, Пор ответил: «Как и подобает человеку моего ранга, как с царем!» Как пишет крупный исследователь древнеиндийского общества Артур Бэшем, «на Александра его пленник произвел такое впечатление, что он вернул ему его государство на правах вассала, а позже поручил ему оставленный греческими войсками Пенджаб» (Бэшем, 2007: 46). С этого времени связи между Индией и Западом приобретают систематический характер, причем можно констатировать не только воздействие греческой культуры на индийские искусство и науку, но и обратное влияние Индии на эллинский мир. Впервые ко двору индийской империи Маурьев направляется греческий посол Мегасфен, труд которого «Индики» до нас, к сожалению, не дошел. В сохранившихся выдержках Мегасфен восхищается государственным устройством и строительным искусством Индии, особенно системой правосудия, которую император осуществляет публично и демократично в присутствии своих подданных. Индия, таким образом, преподносит хороший урок греческим завоевателям, в очередной раз подтверждая старую истину: *прочный мир между государствами возможен лишь в том случае, если они готовы с оружием в руках защищать свою свободу и суверенитет*, ибо трусость и слабость только провоцируют агрессора; а *полноценный и продуктивный культурный диалог между народами и людьми возможен только там и тогда, когда вступающие в него стороны испытывают взаимное уважение, т. е. ценят свое и чужое достоинство*.

Если теперь обратиться к династии Маурьев, которые сумели объединить Индию после нашествия греков, то здесь в первую очередь вспоминается великий царь Ашока, правивший с 273 по 232 г. до н. э.¹ Впервые в истории человеческого цивилизации Ашока, буддист по своим убеждениям, положил в основу внешней и внутренней политики империи два важнейших принципа миротворчества: *ненасилие* (принцип ахимсы) и *религиозную терпимость*. Так, мир во времена правления Ашоки почти на 30 лет утвердился внутри Индии, и духом миролюбия была проникнута вся его внешнеполитическая деятельность. Войны с соседями прекратились, процветала торговля, а делегации индийского царя с проповедями мира и межрелигиозного согласия посещали Цейлон и Среднюю Азию, Бирму и Сиам. В его знаменитых эдиктах упоминаются и селевкидский царь Антиох II, и правитель Египта Птолемей Клавдий, и царь Эпира Александр (Бонгард-Левин, 2003: 112). *Ненасилие при непреклонном следовании идеалам добра и справедливости* («дхарме», по выражению царя-буддиста Ашоки) способно «гасить» разрушительные причины, идущие из прошлого (типа желания мес-

ти за подлинные или мнимые исторические обиды), позволяет превращать врагов в друзей в настоящем и сеять семена, дающие благие плоды в будущем. Например, знаменитый принцип сатьяграхи (твердости в ненасильственном отстаивании правды) Махатмы Ганди, который позволил ненасильственно освободить Индию от англичан, был навеян миролюбивой философией власти, впервые практически утвержденной царем Ашокой.

А вот выдержки из двух высеченных на камне знаменитых указов Ашоки, которые и сегодня можно положить в основу политики межрелигиозного мира и согласия в любой стране и на любом континенте: «Царь Пиядаси² Угодный богам, — провозглашает Ашока в Большом наскальном указе, — почитает последователей всех вероучений, как членов монашеских общин, так и мирян-домохозяев. И дарами, и иными разными почестями почитает он их. Но не так печется Угодный богам о дарах и почестях, как о продвижении последователей каждой веры на пути своего учения... Но в любом случае следует почитать чужую веру. Поступая так, (человек) способствует успеху своей веры и оказывает поддержку чужой. Поступая иначе, он подрывает корни своей веры и вредит чужой» (Индийские надписи, 1990: 223). И далее: «...Людям пристало друг другом восхищаться и перенимать учения друг друга. Поступая так, они станут многознающими, передавая друг другу, что каждый из них знает» (там же: 229). Ашока собрал первый буддийский собор, на котором попытался примирить соперничающие школы, а будучи сам буддистом, оказывал всем религиозным конфессиям одинаковое содействие.

Память о миролюбивом царе Ашоке Индия сохранит на века. На ее нынешнем гербе изображены львы с капители царя из местечка Сарнатх, а ее первый премьер-министр Джавахарлал Неру прямо провозгласит духовную преемственность между политикой великого царя древности и политическими миротворческими приоритетами получившей независимость Индии (см.: Неру, 1987). На идеал правления Ашоки четыре века спустя будет ориентироваться Канишка — наиболее известный правитель Кушанской империи, охватывавшей во времена своего расцвета огромную территорию, включающую север Индии, часть Средней Азии, Пакистана, Афганистана и Восточного Туркестана. Центр империи будет находиться в северо-западной Индии, где Канишкой будет основана столица Кашмира город Шринагар, лежащий на перепутье многих караванных путей. По примеру своего великого предшественника Канишка, как убежденный буддист, проведет IV буддийский собор, на котором будут прояснены многие спорные вопросы буддийского вероучения. В Кушанской империи произойдет также официальное разделение буддизма на школы хинаяны и махаяны, однако никакой вражды между ними не будет. В буддийских монастырях Средней Азии и Восточного Туркестана, где буддизм распространился как раз во времена правления кушанских царей, монахи обеих школ будут жить бок о бок в одних и тех же монастырях (Рерих, 2004: 330). При этом принципу государственной веротерпимости Канишка будет следовать неукоснительно. На монетах Кушанского царства — одного из главных источников информации о его государственном устройстве, традициях и исторических свершениях — мы встречаем упоминания имен и греческих, и буддийских, и индуистских, и иранских божеств. К сожалению, письменных исторических свидетельств о правлении царя Канишки сохранилось совсем немного, а его единственное скульптурное изображение дошло до нас, лишённое головы.

Но один культурный завет великого царя мы можем и сегодня созерцать воочию — это пластические изображения Будды школы Гандхары, где впервые осуществляется

синтез художественных традиций Индии, Рима и Греции и где лик основателя буддизма выражает абсолютную ценность духовного спокойствия и миролюбия. Это не военный героизм и не кипение человеческих страстей, не поэтизация человеческого тела и не апология земной власти, что в первую очередь отличает греческую и римскую пластику. Помимо выполнения своих чисто религиозных и эстетических функций искусство Гандхары несет совсем другое мировоззренческое послание: *только мир в душе гарантирует прочный мир между людьми и народами, а несущие весть мира и единения выполняют самую важную миссию в человеческом сообществе, отравленном ядом разъединения и вражды*. Эти философские и общекультурные заветы безвестных гениев кушанского искусства II–III вв. н. э. получают потом гениальное развитие в пластике великого скульптора и миротворца буддийского мира монгола Дзанабадзара уже в XVII–XVIII вв. и в совсем другой культурно-исторической среде. Искусство Гандхары (в меньшей степени искусства Матхуры, сложившегося приблизительно в этот же период истории Индии) говорит о том, что *искусство способно и должно выполнять миротворческие функции. Оно призвано служить проявлению и утверждению линий «духовной истории» человечества*, но, к сожалению, часто выступало и выступает средством поэтизации «кровавой истории», т. е. разжигает в народах расовую, этническую и религиозную ненависть и эгоизм.

Кушанскому периоду в истории Азии и Индии человечество обязано также оформлением трех направлений Великого шелкового пути, прочно связавшего Восток и Запад. Ю. Н. Рерих пишет: «...не только в культурном отношении кушанская эпоха вписала блестящую страницу в историю Средней Азии. К ней принадлежит и создание прочных торговых сношений между Римским Востоком и Дальним Востоком по великому Шелковому пути, получившему особое значение в I–II вв. н. э.» (Рерих, 2004: 338). Не будем в этой связи забывать, что Великий шелковый путь всегда был *дорогой общеевразийского мира*, так как нормально торговать в условиях войны невозможно, и любой разумный правитель будет беречь спокойствие на караванных путях, проходящих черз его земли.

Духовной наследницей империи Маурьев и Кушанской империи стала Индия династии Гуптов (IV–VII вв. н. э.). Их правление — золотой век культуры Древней Индии. Традиции индийского миротворчества предшествующих эпох были не только унаследованы (ненасилие, религиозная терпимость, открытость культурным влияниям других народов), но и обогатились новыми гранями. Очень важным стал принцип сохранения политической, религиозной и культурной самостоятельности теми землями, которые добровольно соглашались войти в состав расширяющейся империи Гуптов. В этом заслуга второго правителя династии Самудрагупты. «Все феодальные владыки земель, вошедших в состав империи Гуптов, — пишет о его правлении М. Г. Сингх, — сохранили свои привилегии независимых правителей» (Singh, 2010: 65). Они лишь должны были признавать политическое верховенство Гуптов и платить налоги в царскую казну — политико-административный принцип, весьма близкий к тому, в соответствии с которым Российская империя осваивала земли за Уралом. Например, алтайцы, вошедшие в состав Российской империи при Елизавете, платили в царскую казну точно такую же дань, как до этого Джунгарскому ханству. Миротворческий завет империи Гуптов сохраняет свою силу и поныне: *прочный мир внутри обширной страны, особенно если эта страна многонациональная, возможен лишь в том случае, если центральная власть не подавляет, а поощряет своеобразие*

и свободу развития своих частей и регионов, делегируя им соответствующие права и полномочия. Гипертрофированный централизм рано или поздно оборачивается своей противоположностью — сепаратизмом и государственным распадом большой страны.

Еще более окрепла империя Гуптов при сыне Самудрагупты — Чандрагупте II. Его сознательная преемственность с деятельностью Ашоки и Канишки очевидна. Он установил эру мира и культурного процветания, получив от великого индийского поэта и драматурга Калидасы прозвище Викрамадитьи («солнца могущества»). Чандрагупта II лично покровительствовал различным видам искусства. При нем оформился основной храмовый архитектурный стиль Северной Индии, были созданы изумительные фрески пещерных храмов Аджанты и Эллары. В это же время происходит расцвет литературы, науки и философии. Оформились шесть основных ортодоксальных философских школ Древней Индии (шесть *даршан*), между адептами которых шли регулярные и свободные дискуссии. Высокого уровня достигла художественная литература на санскрите, сформировались оригинальные традиции индийского театра. Сборник коротких поучений и притч «Панчатантра» был переведен на пехлевийский, сирийский, арабский, позднее и на европейские языки, оказав на западный мир довольно значительное влияние (Бонгард-Левин, 2003: 264). Большие успехи демонстрировала и индийская наука, особенно математика и астрономия. Именно в этот период великими учеными Индии Арьябхатой и Брахмагуптой были заложены основы алгебры с использованием десятичной системы и нуля, были решены многие важные уравнения. Их результатами позднее воспользуются арабские математики во главе с Аль-Хорезми, создателем алгебры и автором самого этого термина. Об успехах химии и металлургии Индии того времени свидетельствует знаменитая железная колонна в Дели, на которой нет следов ржавчины. Тайна ее создания полностью не раскрыта до сих пор.

Правление Гуптов неопровержимо доказало, что *главная сила и авторитет страны заключаются не в силе оружия, а в успехах науки, образования и искусства. Даже если грубая сила и берет верх*, как в конце концов взяли верх над династией Гуптов вторгшиеся с севера гунны-эфталиты, *то последующие века об этой грубой силе, как правило, мало что помнят, а вот об эпохах культурного и духовного расцвета помнят всегда.* Не случайно фигура Чандрагупты II — одна из самых популярных в индийской традиции наряду с императорами Ашокой и Акбаром, речь о котором впереди.

ТРАДИЦИИ ИНДИЙСКОГО МИРОТВОРЧЕСТВА В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И В ПОСЛЕДУЮЩИЕ ВЕКА

Северо-запад Индии стал местом, где собирал материалы для своего великого труда «Индия» (закончен в 1030 г.) Абу Рейхан Бируни — выдающийся ученый мусульманского Средневековья. Он попал в Индию скорее всего в качестве придворного астролога при дворе султана Махмуда Газневи, который совершил семнадцать грабительских походов против индийских государств и «прославился» чудовищной жестокостью. Положение великого ученого, захваченного Махмудом в плен при завоевании Хорезма, было предельно шатким. Воинственный султан инстинктивно чувствовал врага в знаменитом ученом, хотя пребывание при дворе такого крупного астронома, математика и географа льстило его самолюбию. В этих условиях заниматься сбором устной информации у индийцев об их мировоззрении и научных зна-

ниях, учить их язык и коллекционировать «языческие» рукописи было делом не просто крайне трудным, но и небезопасным. Без всякого пафоса можно сказать, что ал-Бируни совершил настоящий научный подвиг. Его труд по своей систематичности и фундаментальности описания индийской культуры того времени не имеет аналогов в истории. Цель своего труда ал-Бируни формулирует предельно четко: «...написать книгу о том, что я узнал от самих индийцев, чтобы она стала помощью для тех, кто хочет оспаривать их [учения], и сокровищницей для тех, кто стремится общаться с ними» (Бируни, 1995: 60). Задача была решена ал-Бируни столь успешно, что и поныне его книга является важнейшим источником по средневековой Индии, причем современные филологические, исторические и историко-научные исследования чаще всего подтверждают объективность анализа великого уроженца Хорезма.

В рамках темы миротворческого потенциала Северной Индии работа ал-Бируни важна по нескольким причинам. Во-первых, богатейшее культурное наследие Индии, где принципы ненасилия и мирного сосуществования различных религиозных и философских систем являются едва ли не основными, оказалось на редкость благодатным объектом для создания первого в истории тщательно методологически выстроенного сравнительно-культурологического исследования с ясным осознанием трудностей (языковых, религиозных, психологических), которые встают перед исследователем богатой и самобытной культурной традиции, к которой он сам не принадлежит. В лице ал-Бируни одна великая культура Евразии постаралась (и весьма успешно!) вступить в сознательный диалог с другой культурой, не только стремясь познать ее всесторонне и объективно, но открывая нечто новое в себе самой и одновременно обогащая духовную сокровищницу всего человечества. Ученый из Хорезма перевел ряд индийских философских трактатов на арабский язык (в частности «Йогасутру» Патанджали), а труды Эвклида и «Альмагест» Птолемея на санскрит. *Благодаря гению ал-Бируни именно северо-западная Индия (хотя мы и не знаем точно, в каких местах лично побывал ученый!) стала местом уже не стихийной, а научной встречи культур Востока и Запада*³. И его научное послание мира и взаимопонимания между народами актуально до сих пор!

Во-вторых, в «Предисловии» к книге великого ученого А. Б. Халилов и В. Г. Эрман верно отмечают: «В те годы, когда воинствующие приверженцы ислама опустошали города и села страны “идолопоклонников”, ал-Бируни использовал все доступные ему возможности для ознакомления с жизнью и мировоззрением индийцев, для розысков и исследования памятников погибающей классической культуры Индии. <...> Он должен был... преодолеть идеологические нормы общества, включающие в себя резко отрицательное отношение ко всякой чужой культуре и идеологии... В то время в военно-феодальной деспотии Махмуда Газневи эта сторона мусульманского вероучения была поднята на щит в качестве прикрытия и оправдания политики захвата и ограбления Индии» (Халилов, Эрман, 1995: 16–17). Фактически труд ал-Бируни — это мужественный протест честного ученого против войны и насилия доступными ему средствами, а если перевести вопрос в плоскость философии истории, то это *борьба творца «духовной истории» против всех тех, кто сознательно или бессознательно пишет книгу «кривавой истории» человечества*.

С ренессансом древних духовных традиций религиозной терпимости и миротворчества мы встречаемся во времена правления императора Акбара (1542–1605) — представителя династии Великих Моголов. Он — полная противоположность султану

Махмуду Газневи и один из самых выдающихся творцов духовной истории человечества наряду с Периклом и Марком Аврелием, Юстинианом и Карлом Великим. Акбар вполне сознательно ощущает себя продолжателем линии Ашоки и Чандрагупты II. Например, в выстроенной по его собственному проекту новой столице империи Фатехпур Сикри, которая и сегодня поражает своим великолепием, он предусмотрел обширную площадку, где, по примеру Ашоки и Чандрагупты II, лично осуществлял правосудие над своими подданными. И, по отзывам современников, его суд был гуманным и справедливым. Им был возведен и так называемый Молитвенный дом. Там в публичной полемике, как и во времена Маурьев и Гуптов, сходились представители разных религиозных общин, причем сам правитель принимал в них активное и деятельное участие.

Акбар не только уравнивал в правах мусульман и индуистов Индии, отменив *джи зию* (подушную подать на иноверцев в мусульманских странах) и привлекая на высшие государственные должности индийцев-немусульман (в частности, воинственных и свободолюбивых раджпутов), но и активно боролся с ветхими религиозными предрассудками типа индийского сати (сожжения вдов вместе с мужьями). Он лично показывал пример возможности единения представителей различных конфессий и этнических традиций. Среди его многочисленных жен были последовательницы и ислама, и индуизма, и православия, и католичества. Акбар даже провозгласил новую синтетическую религию *дин-и иллахи* («Божественная вера»), которая включала общее для всех религий мировоззренческое и этическое ядро без их конфессиональных предрассудков и нетерпимости. Е. Ю. Ванина верно замечает: «Современник кровавых религиозных войн во Франции и испанского короля-инквизитора Филиппа II, Акбар своей религиозной политикой заслужил почетное место в мировой истории» (Ванина, 1997: 23). Спустя почти восемнадцать веков в Акбаре словно возродился миролюбивый дух царя Ашоки. И не случайно именно эти две символические фигуры индийской истории упоминает в своей знаменитой речи 1893 г. на первом Всемирном парламенте религий в Нью-Йорке Свами Вивекананда, провозглашая знаменитый тезис, что все религии — лишь разные дороги к Единому Богу (Вивекананда, 1993: 19)⁴.

Акбар жил в суровую и кровавую эпоху. Вся его жизнь — бесконечная цепь военных походов и сражений, подавления мятежей и разоблачения заговоров, включая заговор собственного сына Селима. Известен даже случай, когда он вырезал гарнизон крепости Читтор, оказавшей особо ожесточенное сопротивление его войскам. Но это — единственный случай. По возможности победоносный падишах старался удержаться на принципах ненасилия и милосердия, прощая врагов и сохраняя им жизнь. В частности, он запретил продавать пленных в рабство.

В правлении Акбара синтезировались и во многом воплотились в жизнь все те принципы индийского мифотворчества, о которых речь шла выше. Он поощрял развитие наук. Им был введен единый для всех частей государства солнечный календарь, основанный на последних достижениях современной ему астрономии и математики, а также единая система мер и весов. При его дворе была собрана библиотека в несколько десятков тысяч рукописей на разных языках. Систематически работали переводчики индийской литературы на персидский и арабский языки и мусульманской литературы на санскрит, т. е. *фактически становился массовой реальностью межкультурный научный диалог*, основы которого заложил ал-Бируни. Как и Канишка с Чандрагуптой II, Акбар покровительствовал литературным занятиям. При дворе

правителя жили писатели, драматурги и поэты во главе с его ближайшим другом, единомышленником и помощником во всех делах Абу-аль Фазлом, написавшим подробнейшую историю правления Акбара. При великом падишахе расцвела живопись — знаменитая миниатюра, где органически сошлись персидская и собственно индийская художественные традиции. Акбар лично рассматривал работы живописцев, проявляя тонкий художественный вкус.

Новые мотивы появились и в архитектуре. При Акбаре в его столице Агре начал строиться знаменитый Красный форт — резиденция будущих правителей династии Моголов, где традиции индийской резьбы по дереву трансформировались в ажурную каменную резьбу. Очень показательно, что *самым любимым местом в Индии для Акбара были Гималаи, особенно Кашимир*, который он завоевал в 1588 г. Великий правитель Индии на закате жизни трижды совершал долгосрочные поездки-паломничества к гималайским снежным твердыням, видимо получая там заряд духовной бодрости и веры после волн «кровавой истории», в которые был поневоле погружен. Пример Акбара показывает, что быть миротворцем и служить делу «духовной истории» человечества можно и в самые мрачные исторические периоды.

В последующие века миролюбивые традиции Северной Индии неоднократно дадут свои благие плоды. О Махатме Ганди и Джавахарлале Неру речь шла выше. Принципы миролюбия и ненасилия (ахимсы) составят фундамент внешней и внутренней политики независимой Индии, станут ее важнейшим вкладом в мировую цивилизацию. Отметим в этой связи только три важных факта.

Во-первых, после Второй мировой войны в 1948 г. именно Индия на уровне ее высшего политического руководства (Дж. Неру и С. Радхакришнана) высказалась за широкое принятие международным сообществом так называемого Пакта Рериха о защите культурных ценностей в ходе военных столкновений. В 1954 г. на основе Пакта Рериха был подписан Заключительный акт межправительственной конференции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта в Гааге. Это акт был ратифицирован 39 странами, в том числе Индией и Советским Союзом.

Во-вторых, именно Индия выступила одним из инициаторов создания Движения неприсоединения, которое внесло важный вклад в разрядку международной напряженности во второй половине XX в. в условиях противоборства двух общественно-политических систем. Страна Ашоки и Акбара очень вовремя напомнила миру о ценности миротворчества, ненасилия и диалога между народами.

В-третьих, после вооруженного вторжения Китая в Тибет в 50-е годы прошлого века и свержения власти Далай-ламы именно Северная Индия, особенно территория штата Химачал-Прадеш, дала приют десяткам тысяч беглых тибетцев, став для них второй родиной. В этом плане Северная Индия очень похожа на Сибирь, которая спасла алтайцев от агрессии Цинского Китая в XVII–XVIII вв., взяв их под свое державное покровительство⁵. Обе эти территории — Сибирь и Северная Индия — служили и служат делу примирения народов после кровопролитных войн. Здесь не погибли и сохранили свою культуру даже самые малочисленные этносы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В год 70-летия установления дипломатических отношений между Россией и Республикой Индия обращение к идейному и практическому миротворческому наследию двух великих стран представляется особенно важным. Что касается связей Сибири и Северной Индии, в частности Алтая и Гималаев, то между ними в будущем призва-

на утвердиться меридиональная евразийская ось международного сотрудничества, органически восполняя китайский широтный проект Великого шелкового пути. Это предвидел еще Н. К. Рерих, писавший: «Истинно “Алтай-Гималаи” — два магнита, два равновесия, два устоя. Радостно видеть жизненность в связях индо-русских» (Рерих, 1974: 268–269). Крепнущие ныне связи между сибирскими и индийскими регионами, в том числе и научные, вносят свой ценный вклад в реализацию этих стратегических миротворческих перспектив (см.: Иванов, Фотиева, 2016: 150).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Правда, относительно дат правления Ашоки имеются разногласия. По другим данным, он правил с 268 по 231 г. до н. э.

² Другое имя Ашоки.

³ В своем труде ал-Бируни смотрит на Индию не просто как носитель арабо-мусульманской культурной традиции, но как представитель всей средиземноморской цивилизации, сравнивая индийские религиозные, научные и философские взгляды не только с исламскими, но также с иудейскими, греческими и христианскими.

⁴ Любопытно, что в своем завершающем слове на Парламенте религий Вивекананда сформулирует важнейший принцип межрелигиозного согласия, в котором явно слышится отзвук наскальных эдиктов царя Ашоки, которые цитировались выше: «Христианин не станет буддистом, и буддист не станет христианином. Но каждый должен проникнуться духом других религий, сохраняя свою собственную индивидуальность и возрастая в своей собственной религии» (Вивекананда, 1993: 23).

⁵ Миротворческому потенциалу Сибири посвящены две статьи автора (Иванов, 2017ab).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бируни, А. (1995) Индия. М. : Ладомир. 727 с.
- Бонгард-Левин, Г. М. (2003) Древняя Индия. История и культура. СПб. : Алетейя. 288 с.
- Бэшем, А. (2007) Цивилизация Древней Индии. Екатеринбург : У-Фактория. 496 с.
- Ванина, Е. Ю. (1997) Расцвет и падение империи Великих Моголов // Вопросы истории. №12. С. 20–31.
- Вивекананда, С. (1993) Всемирный Парламент религий. СПб. : Общество Рамакришны, фирма «Петроградский и К». 24 с.
- Иванов, А. В. (2017a) Сибирь как территория мира // Сибирский философский журнал. Т. 15. №1. С. 114–128.
- Иванов, А. В. (2017b) Миротворческая миссия Сибири в современную эпоху // Сибирский философский журнал. Т. 15. №2. С. 112–122.
- Иванов, А. В., Фотиева, И. В. (2016) Место Индии в евразийском мировоззрении Рерихов // Знание. Понимание. Умение. №4. С. 142–153. DOI: 10.17805/zpu.2016.4.12
- Иванов, А. В., Фотиева, И. В., Шишин, М. Ю. (2006) Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. Барнаул : Изд-во АлтГТУ. 449 с.
- Индийские надписи (1990) // История и культура древней Индии: Тексты. М. : Изд-во МГУ. 352 с. С. 216–238.
- Неру, Дж. (1987) Открытие Индии : в 2 кн. М. : Политиздат. Кн. 1. 460 с.
- Рерих, Н. К. (1974) Из литературного наследия. М. : Изд-во «Изобразительное искусство». 476 с.
- Рерих, Ю. Н. (2004) История Средней Азии : в 3 т. М. : Международный центр Рерихов. Т. 1. 470 с.
- Халилов, А. Б., Эрман, В. Г. (1995) Предисловие // Бируни А. Индия. М. : Ладомир. 727 с. С. 7–53.
- Handa, O. C. (2008) Panorama of Himalayan Architecture. Volume 1. Temples. New Delhi: Indus Publishing Company. 280 p.

Singh, M. G. (2010) Himachal Pradesh: History, Culture & Economy. Shimla : Minerva Publishers&Disributors. 334 p.

Дата поступления: 02.06.2017 г.

NORTHERN INDIA AS A TERRITORY OF PEACEMAKING AND CULTURAL DIALOGUE

A. V. IVANOV, S. M. ZHURAVLEVA
ALTAI STATE AGRICULTURAL UNIVERSITY

This article examines the peacemaking potential of Northern India — the most important region of Eurasia located at the crossroads of caravan routes linking India with the Middle East and Iran, Central Asia and Eastern Turkestan, Tibet and China. This area retains a unique cultural-linguistic and ethnic diversity, representing in fact the whole panorama of the peoples of Eurasia in miniature.

The original methodological position of the authors implies the distinction of the «bloody history», i. e. history of wars, interstate conflicts and power struggles, diplomatic games and deceptions, religious and national hatred; and the «history of spirit» (or «spiritual history»), i. e. the emergence and spread of unifying and creative ideas, eras of peace and cultural creativity when the moral and religious tolerance were victorious, the ideas of art and science were flourishing. The history of Northern India is almost a reference object in the discovery of the ages, names and events of «spiritual history», and the main lesson that can be learned from it is the real experience of peacemaking and the productive cultural dialogue, which retains its value today. To substantiate this thesis, the authors refer to the period of the Maurya Empire, the Kushan Empire, the Gupta Empire and the reign of the Great Mughal dynasty in India which founded and largely brought to life the essential principles of Indian peacemaking: nonviolence (Ahimsa) and religious harmony, the development of science, art, and literature as essential tools for the implementation of a productive dialogue between different ethnic groups and religious traditions. The article sets some significant parallels between the traditions of Indian and Russian peacemaking, especially during the Russian settlement in Siberia.

The conclusion is drawn as follows: in the current year of the 70th anniversary of the establishment of diplomatic relations between Russia and the Republic of India, the appeal to the ideological and practical peacemaking legacy of the two great countries appears particularly important.

Keywords: India; Northern India; peacemaking; nonviolence; religious harmony; cultural dialogue; spiritual history

REFERENCES

- Biruni, A. (1995) *Indiia*. Moscow, Ladomir. 727 p. (In Russ.).
- Bongard-Levin, G. M. (2003) *Drevniaia Indiia. Istoriiia i kul'tura*. St. Petersburg, Aleteiia. 288 p. (In Russ.).
- Beshem, A. (2007) *Tsivilizatsiia Drevnei Indii*. Ekaterinburg, U-Faktoriia. 496 p. (In Russ.).
- Vanina, E. Iu. (1997) Rastsvet i padenie imperii Velikikh Mogolov. *Voprosy istorii*, no. 12, pp. 20–31. (In Russ.).
- Vivekananda, S. (1993) *Vsemirnyi Parlament religii*. St. Petersburg, Obshchestvo Ramakrishny, firma «Petrogradskii i K». 24 p. (In Russ.).
- Ivanov, A. V. (2017a) Sibir' kak territoriiia mira. *Sibirskii filosofskii zhurnal*, vol. 15, no. 1, pp. 114–128. (In Russ.).
- Ivanov, A. V. (2017b) Mirotvorcheskaia missiia Sibiri v sovremennuiu epokhu. *Sibirskii filosofskii zhurnal*, vol. 15, no. 2, pp. 112–122. (In Russ.).
- Ivanov, A. V., Fotieva, I. V. (2016) Mesto Indii v evraziiskom mirovozzrenii Rerikhov. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 142–153. DOI: 10.17805/zpu.2016.4.12 (In Russ.).
- Ivanov, A. V., Fotieva, I. V. and Shishin, M. Iu. (2006) *Skrizhali metaistorii: tvortsy i stupeni dukhovno-ekologicheskoi tsivilizatsii*. Barnaul, Izd-vo AltGTU. 449 p. (In Russ.).
- Indiiskie nadpisi (1990). In: *Istoriiia i kul'tura drevnei Indii: Teksty*. Moscow, Izd-vo MGU. 352 p. Pp. 216–238. (In Russ.).

- Neru, Dzh. (1987) *Otkrytie Indii* : in 2 b. Moscow, Politizdat. Book 1. 460 p. (In Russ.).
- Rerikh, N. K. (1974) *Iz literaturnogo nasledii*. Moscow, Izd-vo «Izobrazitel'noe iskusstvo». 476 p. (In Russ.).
- Rerikh, Iu. N. (2004) *Istoriia Srednei Azii* : in 3 vol. Moscow, Mezhdunarodnyi tsentr Rerikhov. Vol. 1. 470 p. (In Russ.).
- Khalilov, A. B. and Erman, V. G. (1995) Predislovie. In: Biruni A. *Indiia*. Moscow, Ladimir. 727 p. Pp. 7–53. (In Russ.).
- Handa, O. C. (2008) *Panorama of Himalayan Architecture*. Vol. 1. Temples. New Delhi, Indus Publishing Company. 280 p.
- Singh, M. G. (2010) *Himachal Pradesh: History, Culture & Economy*. Shimla, Minerva Publishers&Disributors. 334 p.

Submission date: 02.06.2017.

Иванов Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Алтайского государственного аграрного университета, г. Барнаул. Адрес: 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Красноармейский, д. 98. Тел.: +7 (3852) 628-046. Эл. адрес: ivanov_a_v_58@mail.ru

Журавлева Светлана Михайловна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Алтайского государственного аграрного университета. Адрес: 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Красноармейский, д. 98. Тел.: +7 (3852) 628-046. Эл. адрес: Jurav27@yandex.ru

Ivanov Andrey Vladimirovich, Doctor of Philosophy, Professor, Head, Department of Philosophy, Altai State Agricultural University. Postal address: 98, Krasnoarmeyskiy Ave., Barnaul, Russian Federation 656049. Tel.: +7 (3852) 628-046. E-mail: ivanov_a_v_58@mail.ru

Zhuravleva Svetlana Mikhailovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Altai State Agricultural University. Postal address: 98, Krasnoarmeyskiy Ave., Barnaul, Russian Federation 656049. Tel.: +7 (3852) 628-046. E-mail: Jurav27@yandex.ru